

Звезда наших странствий, гори, не сгорай

ВАМ ОТПУЩЕНО СВЫШЕ

Моск. пром. - 7995 - 4010 - 28

Неисповедимы пути Господни. Сегодня его хорошо знают зрители. Работал в Театре сатиры, в «Ленкоме», «У Никитских ворот». Снимается у американцев, итальянцев и французев, по-моему, одновременно. В памяти всплывают его умопомрачительные шуточки в «Кабачке «Тринадцать стульев», где ваял незабвенный образ пана Пепичка. Передерически мелькает на экране то в образе Пастора в «Том самом Мюнхгаузене», то в роли Палача в «Обыкновенном чуде»... Но мало кто знает, что его жизнь включает в себя и другие страницы. Кому-то они покажутся страшными, абсурдными в своей несправедливости. Он же, человек с огромным чувством юмора и солнечным принципом души, говорит: «Зато я понимаю, насколько я счастлив сегодня. Мне есть с чем сравнивать». О своей жизни в колонии-поселении нашему корреспонденту рассказывает артист **Владимир ДОЛИНСКИЙ**.

Середина зимы. Пятьдесят гавриков с «усилка» (колонии усиленно-го режима) откинулись с зоны. То есть не совсем откинулись, а перевелись в вольную колонию-поселение. Не прав был наш начальник спецчасти: «Тебе, Долинский, до звонка не пробздеться. Это ж подумать, какими делами ворочал: скупили у неизвестного гражданина итальянской национальности сто тысяч лир». Но мудрые судьи на зоне решили, что сумма меньшая, чем в сто долларов США, не до конца подорвала валютную мощь нашего государства, и сочли возможным по двум третям отсуженного срока смягчить мне режим. Спасибо вам, граждане судьи! Я оправдаю ваше высокое доверие!

Первая в Советском Союзе сельскохозяйственная колония-поселение встретила нас настороженно. Пятьдесят здоровых, в основном молодых, голодных во всех смыслах мужиков были вполне конкурентоспособны в борьбе за выживание в этой небольшой деревеньке... И наш новый «хозяин», майор с незамысловатой русской фамилией Абрамович Иван Иванович (ей-ей, не шушу), кисло посмотрел в нашу сторону и заявил о своей уверенности в том, что большая половина из нас вскорости благополучно вернется обратно в зону, так как работать мы, конечно же, не будем, будем мы жрать ханку,

употреблять местных изголодавшихся баб, за что и будут ходить на нас с дубьем их тоже немало пьющие мужики...

Утром на разводе нас стали распределять на работу. Когда очередь дошла до меня, на вопрос: «Кем работал на воле?» - я ответил: «Артистом». «Ну, это ясно, - сказал замдиректора совхоза, - все вы здесь артисты. А работал-то кем?» - «Артистом», - повторил я. «Ты мне здесь не выступай!...» После упоминания о «Кабачке «Тринадцать стульев» он долго вглядывался в мое изменившееся за эти годы лицо, затем хлопнул себя по тугим ляжкам, распылился до ушей и крикнул: «Марь Пална, Степаньн, Розка, Любка! Бежите сюда! Гляньте! Артист с «Кабачка». Вот те раз! Живой!»

После развода я пару часов ублажал местную сельскую элиту: директора, агронома, главного бухгалтер и жену участкового Васю, закрутив Любочку рассказами об интимной жизни персонажей нашего сериала. Уж больно интересно им было. Все они перетрахались друг с дружкой или только по сценическим парам? Сколько платят, и куда ж они такую крассу денег девают? Я не жалел красок, но был корректен, держался скромно. На вопрос, как же я дошел до жизни такой, грустно и многозначительно улыбнулся и сказал:

«Наивный был, в настоящую любовь верил». Какая связь между моей наивностью и 88-й статьей УК РСФСР, я пояснять не стал. Любочка, которая сразу положила на меня глаз, сказала, обращаясь в никуда: «А в клубе истопника нет. Вона, все руки в занозах». Порешили миром обратиться к товарищу Абрамовичу с ходатайством определить меня истопником в клуб.

...В течение последующих двух дней я заготавливал во дворе клуба дрова, а Любочка подкармливала меня домашней едой и готовила «купчик» - крепкий терпкий чай. Смотрела она на меня такими глазами, что у меня постоянно тянуло низ живота. Под вечер третьего дня Любочка сдалась окончательно: «Сегодня мой в район едет дежурить на сутки. Придешь?» И крепко взяв меня за щеки, поцеловала в губы. «Приду, приду, Любочка, куда ж я, на хрен, денусь».

В начале одиннадцатого я соорудил «куклу», сунул ее под одеяло и вылез в окно барака... Вот она, заветная изба. Замерзшее окошко. Сту-

чу. Клуб вырвавшегося из дверей пара, и в этом пару, вся раскрасневшаяся от готовки и желания, моя Люба. Улыбка, поцелуй, и я в маленькой деревенской с русской печкой кухне.

Вкуснее этой хрустящей картошки с салом, этой чекушки водки я не ел и не пил ничего в жизни. Захмелел, разморило меня, и повела меня моя суженая-ряженая в опочевальню. Разложила постель, распустила волосы, потянула к себе и... какой конфуз! Прости, Любочка... Но четыре года без женщины... Ты ж умница, ты ж... «Да ладно тебе, - Любочка нежно погладила меня. - Чего ж ты меня совсем за дуру держишь? Чего ж я, не понимаю?... Успокойся, дурачок». И я успокоился. И уже через полчаса совсем по-другому, с видом победителя, смотрел на блаженную даму своего сердца.

Я ничего не услышал, но вдруг увидел, как лицо Любочки в свете луны застыло, насторожилось. Я прислушался и уловил звук мотора. Я еще ничего не мог понять, а Любо-

чка резко вскочила и стала быстро собирать мои манатки. «Быстро собирайся! Это аэросани. Васькины!» Она, не включая лампы, подталкивала меня, голого, через кухню в дровяницу. Резко воткнула меня спиной в маленький закуток и закрыла дверь. «Стой, не дергайся! Васька услышит - он нас с тобой обоих порешит»...

Минута, другая, раздался стук в дверь избы. Я тихо мелко трясся от холода и страха. Еще стук, еще... Наконец я услышал, как открылась дверь в сени и она спросила ленивым сонным голосом: «Ну кто там?» - «Я, Люб, я, Васька». Любка открыла дверь и впустила в сени, они вместе вошли в избу.

Сколько я простоял на двадцатиградусном морозе, я до сих пор не знаю. Мне это показалось вечностью. Я боялся дышать, руки-ноги затекли, замерз, как студень. Я прекрасно понимал, что еще чуть-чуть, и я просто рухну. Васька, конечно, услышит меня и, лихой пацан, застрелит из своего табельного пистолета. А уж Любочка со своей природной смекалкой убедит его рассказать начальству, как пьяный зек хотел изнасиловать жену мента.

И вот когда силы совсем покинули меня, дверь моей темницы тихо раскрылась, затем открылась дверь на улицу, и я услышал ее прощальное: «Вали!»

Откуда взялись силы? Я с кучей вещей в руках, голый, босой, поскакал по задам в конец деревни. Сейчас, сейчас мне выстрелит в спину. Я не чувствовал, как снежная наледь мороза, было ощущение, что луна высвечивает меня одного, как прожектором на сцене... Где-то через километр я остановился у палой ели, присел, оделся и уже через пять минут был у окна своей халупы... Вваливаясь внутрь, не раздеваясь, в сапогах, в шапке, в ватнике лезу под одеяло и накрываюсь с головой. И только здесь понимаю, что такое счастье...

Елена КУРБАНОВА.